

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81-13:316.7

ЛИНГВИСТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: КОММУНИКАТИВНЫЙ ДИАПАЗОН ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Ю.М. Трофимова

*Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева,
Саранск*

Статья посвящена рассмотрению коммуникативных стратегий, обуславливающих особенности построения поэтического текста и рассматриваемых в этой связи как его текстопостроительные приемы, принадлежащие парадигматическому уровню. Внимание обращено на местоимения второго лица и их актуализацию в континууме русскоязычного и англоязычного поэтического текста при выявлении его взаимодействия с поэтической речью.

Ключевые слова: поэтический текст, поэтическая речь, текстопостроение, коммуникативные приемы, система языка, местоимения, идиостилистические особенности.

Poetical Text Linguistics: Poetical Speech and Its Communicative Properties

Yulia M. Trofimova

Mordvinian State University, Saransk

The article deals with communicative strategies provoking the peculiarities of poetical text formation which is considered in this connection as a sphere of the functioning of its paradigmatic models. Attention is paid to the second person pronouns and their value in Russian and English poetical text regarded in its correlation with poetical speech.

Key words: poetical text, poetical speech, text formation, communicative strategies, language system, pronouns, individual style peculiarities.

Лингвистика текста (далее также – ЛТ) с самого момента своего возникновения была, как известно, нацелена на установление правил построения связного текста, а также на выявление его смысловых категорий, выражаемых согласно данным правилам. В обнаружении тех и других ЛТ на протяжении своей не слишком долгой истории постоянно пересекалась со смежными отраслями, заставляя лингвистов постоянно дискутировать вопросы как о её границах, так и об эволюционных преобразованиях, которые та претерпела в ходе своего развития. Все эти вопросы по сей день остаются дискуссионными, и ответы на них способны в любой момент выявить какой-то новый угол соприкосновения ЛТ со всеми науками, изучающими текст.

В контексте настоящей статьи важно указать на следующие моменты. Во-первых, нельзя не подчеркнуть, что к середине 1970-х годов текст стал восприниматься как коммуникативный процесс, вслед за чем лингвистика текста ушла в тень дискурсивного анализа текста. В некоторых источниках даже встречается фраза *лингвистика текста «переродилась» в дискурсивный анализ текста*, хотя думается, что здесь

фактически имеет место рождение новой лингвистической отрасли. Во-вторых, стоит ещё раз высветить вопрос о границах ЛТ и, в частности, о том, какие именно дисциплины она включает в себя и с какими она только пересекается (например, прагматика, функциональная семантика и синтаксис, риторика, поэтика, психолингвистика и теория коммуникации, входят, в свою очередь, как составная часть в теорию текста) [5].

Надо сказать, что перечисленные отрасли лишь в малой степени охватывают те науки, которые ЛТ может включать в себя, а также с которыми она может смыкаться или пересекаться. Добавим сюда, в частности, грамматику текста, стилистику текста, теорию речевой деятельности, коммуникативную теорию текста, коммуникативную стилистику (художественного) текста, отметив как немаловажный фактор характерный для некоторых из них коммуникативный фактор, который и поспособствовал в свое время, как утверждается, «перерождению» ЛТ в дискурсивный анализ текста.

Надо заметить, однако, что, «переродившись», ЛТ благополучно продолжает существовать и как автономная отрасль, хотя бы потому, что сам термин *лингвистика текста* не исчез. Более того, ЛТ порождает дочерние отрасли, такие, например, как лингвистика поэтического текста (далее также – ЛПТ), и называющий её термин встречается довольно часто, когда объектом исследования становятся поэтические (стихотворные) тексты. Эта «порождающая» способность ЛТ объясняется очень просто: текст (или дискурс) охватить с одной точки зрения невозможно из-за его постоянной взаимосвязи с разными проявлениями человеческой деятельности, имеющей итогом порождение связных речевых построений. Главную роль при этом играет речевая деятельность, определяемая в самом общем виде как активный, целенаправленный, опосредованный языковой системой и обусловленный ситуацией общения процесс передачи и приема сообщений [3. С. 49].

Выделим особо в приведенном определении выражение *опосредованный языковой системой*, которое мы примем к сведению далее, правда, в несколько иной трактовке.

Как уже отмечалось выше, совмещение ЛТ и разных смежных с нею дисциплин позволяет найти необычный ракурс в рассмотрении какого-либо текстового явления. Объединив ЛТ, теорию речевой деятельности, коммуникативную теорию текста, коммуникативную стилистику текста, направим усилия на установление текстопостроительных приемов, обусловленных текстовой коммуникацией, определяющей законы поэтического текстопостроения. Именно в таком русле была сформулирована идея эстетической речевой деятельности, приложенная именно к поэтическим текстам [6].

На стыке теории речевой деятельности и ЛПТ особо ощутим коммуникативный ракурс последней. В этом смысле коммуникативная стилистика художественного текста, изучающая целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля, нацелена

как на лингвистические, так и на экстралингвистические факторы общения, связанные с порождением текста и его интерпретацией.

Раскрытие коммуникативного фактора в поэтическом тексте может осуществляться разными путями. Думается, однако, что начать следует с адресации речевого сообщения (поэтического текста). Заметим при этом, что ЛПТ особо заостряет внимание на языковой ткани, которая в стихотворных текстах несет особую нагрузку, во многом определяя то, как от неё будет зависеть и построение связного текста, и его смысл, а более детально – содержание. Поэтому коммуникативность поэтического текста (а также и поэтической речи) представляет собой блок вербальной коммуникации, часто внедряемой автором, пишущим на том или ином языке, только вследствие законов системы последнего. Именно в этом ключе и будет пониматься далее *опосредованность текста языковой системой*.

Поэтическая речь с точки зрения её функционирования как материала для построения поэтического текста – это все равно, что поэтический дискурс, который, в свою очередь, может быть рассмотрен и как текст, если он актуализируется в некотором статичном построении. Как представляется, обилие терминов иногда требует некоторой их нейтрализации.

Выстроим применительно к поэтическому тексту коммуникативную схему, основываясь на принятой в коммуникативной теории текста системе *говорящий-текст-слушающий*, избрав, однако, лишь её первую часть *говорящий – текст*. Именно эта часть включает в себе момент речевой деятельности, относящейся к автору-поэту и свидетельствующей о его коммуникативных интенциях. Самым красноречивым выражением коммуникативного потенциала поэтического текста является наличие в нем местоимений 2-го лица *ты, вы*, в наибольшей мере ответственных за адресацию текста. Иногда они сопровождаются глаголом в повелительном наклонении, а иногда и отсутствуют, как, например, в русском языке при наличии глагола во 2-м лице настоящего времени. Как отметила Т.М. Николаева, местоимения занимают первое место в ряду коммуникативно ориентированных частей речи [7. С. 434].

Местоимения *ты, вы* (а также их падежные варианты и притяжательные соответствия) как ничто другое выдают коммуникативный настрой автора-поэта, которому необходимо всегда к кому-то обратиться, будь то читатель, некий предмет, вымышленное лицо или ему одному ведомый человек. Кстати, в последнем случае читатель, для которого все якобы и пишется, нуждается в толковании, в установлении такого адресата, поскольку иначе содержание стихотворения от него наполовину ускользает. Самым ярким примером, маркирующим начальный этап коммуникативного настроения текста, послужит следующий отрывок, в котором, как и повсюду далее, местоимения (или глаголы в соответствующем лице) выделены жирным шрифтом:

Работай, работай, работай:

Ты будешь с уродским горбом

За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом. (Блок)

Местоимение *ты* относится здесь не к какому-то конкретному лицу: это вообще любой человек. В этом случае следует фиксировать текстопостроительный прием, *опосредованный языковой системой*, из-за способности русского языка иметь обезличенные глагольные конструкции в форме 2-го лица (с местоимением 2-го лица или без). В английском языке следы такого значения видны в поговорке *As you sow, so shall you reap*. – *Что посеешь, то и пожнешь*. Примечательно, что при переводе английских поговорок на русский язык русскоязычные авторы неосознанно избирают 2-е лицо глагола: *A burden of one's own choice is not felt*. – *Груз, который сам выбрал, несешь не чувствуя*. *A cat in gloves catches no mice*. – *Кот в перчатках мышей не поймает*. Смысл: *будешь белоручкой – дела не сделаешь*. Ср. *Без труда не вытащишь и рыбки из пруда*. *Не замочив рук, не умоешься* [8].

Но в английской поэтической текстовой лингвокультуре подобный прием не востребован, особенно в сочетании с императивом в абсолютном текстовом начале. Примеров этого рода не удастся обнаружить. В русской же поэтической текстовой лингвокультуре подобный прием может встречаться в любом месте стихотворения:

- (1) Чуть приметна тропинка росистая.
Куст **заденешь** плечом – на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая. (Никитин)
- (2) Цыганская страсть разлуки!
Чуть **встретишь** – уж **рвешься** прочь.
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь. (Цветаева)

При обнаружении коммуникативного потенциала поэтического текста, вербализованного с помощью местоимения 2-го лица, интерес вызовут типологические характеристики такого процесса, которые в первую очередь свидетельствуют о свойственных поэтической речи текстопостроительных приемах. Но, с другой стороны, они, как оказалось, самым тесным образом переплетаются с идиостилистическими моментами, в полной мере оправдывая при их раскрытии обращение к коммуникативной стилистике, исследующей текст как форму коммуникации и явление идиостиля [2]. В частности, некоторые авторы очень активно используют 2-е лицо местоимений, как, например, А.К. Толстой и А. Лоуэлл, однако дело здесь не в количестве использованных местоимений, а в их специфическом применении у разных авторов.

Финальным коммуникативным маркером в поэтическом тексте будет случай, когда коммуникативный уровень текста как бы вовсе отсутствует, и поэт, судя по всему, ни к кому не обращается и, более того, сам остается в тени. В этой связи вспоминается высказывание Э. Бенвениста, писавшего в свое время, что в историческом повествовании нет... и самого

рассказчика. События изложены так, как они происходили по мере появления на исторической арене [1. С. 276].

Бенвенист не был точен. Рассказчик есть всегда. Именно он отбирает детали исторического сообщения, komponует их, подает в соответствующем свете, часто сугубо идеологизированном. Все эти моменты стали понятны двумя десятилетиями позже в связи с формулировкой понятия текстовой номинации. В подобных случаях мы имеем дело с глубинными основами текстовой коммуникативности, уходящей в подтекст и требующей отдельного рассмотрения.

Приведем, тем не менее, пример мнимого отсутствия рассказчика в поэтическом тексте, когда на первый взгляд отсутствует и сама коммуникация:

Листья в поле пожелтели,
И кружатся и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит, меж цветов,
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь, отважный, поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл, и поле
Сквозь туман лишь серебрит. (Лермонтов)

Между этими двумя полюсами располагается обширнейший спектр коммуникативных мотивов поэтического текста, ставших частично стандартно традиционными и легко узнаваемыми как в русском, так и в английском поэтическом тексте, а иногда обнаруживающих специфику, в том числе и идиостилистическую.

Эти внутритекстовые коммуникативные мотивы, вербализованные с участием местоимений *ты*, *вы*, и обусловят самый частотный блок текстопостроительных приемов в поэтическом тексте. Таковые приемы понимаются в данной статье как парадигматические структуры, опробованные в ходе их систематического применения и ставшие своего рода поэтическими штампами. На их фоне выделяются новые приемы, постоянно возникающие в новых поэтических построениях и свидетельствующие в первую очередь об авторских идиостилистических особенностях. Однако таковые прослеживаются и в приверженности автора к уже апробированным парадигматически устоявшимся приемам. Их иллюстрацию начнем именно с примеров подобного рода:

Особо часто местоимения *ты*, *вы* встречаются при названии объекта, к которому обращается поэт:

- (1) **Гой ты, Русь, моя родная,**
Хаты – в ризах образа... (Есенин)
- (2) **Край любимый! Сердцу снятся**

Скирды солнца в водах лонных.

Я хотел бы затеряться

В зеленях твоих стозвонных. (Есенин)

Русскоязычные авторы иногда пользуются как бы готовыми штампами для выражения своего восторга перед родным краем:

Край ты мой, родимый край,

Конский бег на воле,

В небе крик орлиных стай,

Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!

Гой ты, бор дремучий!

Свист полночный соловья,

Ветер, степь да тучи! (А.К. Толстой)

Более подробный перечень таких объектов, если его составить, возможно, кое-что скажет и об авторе, о его коммуникативных интенциях, определяющих стратегию в построении поэтического произведения.

Однако и в традиционных приемах отмечаются идиостилистические нюансы. Например, у Цветаевой объект, следующий за местоимением, именуется по какому-то признаку:

(1) **Идешь**, на меня похожий,

Глаза устремляя вниз.

Я их опускала – тоже!

Прохожий, остановись! (Цветаева)

Вы, идущие мимо меня

К не моим и сомнительным чарам, —

Если б знали вы, сколько огня,

Сколько жизни, растроченной даром... (Цветаева)

(2) **ГЕНЕРАЛАМ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА**

Вы, чьи широкие шинели

Напоминали паруса,

Чьи шпоры весело звенели

И голоса. (Цветаева)

Особо интересным моментом является неожиданное появление местоимения *ты* в конце стихотворения, и это *ты* обозначает неизвестно кого:

Я стремлюсь к роскошной воле,

Мчусь к прекрасной стороне,

Где в широком чистом поле

Хорошо, как в чудном сне.

Там цветут и клевер пышный,

И невинный василек,

Вечно шелест легкий слышно:

Колос клонит... Путь далек!

Есть одно лишь в океане,

Клонит лишь одно траву...

Ты не видишь там, в тумане,
Я увидел – и сорву! (Блок)

Ты, вы могут относиться к объекту любви, часто не названному и даже не установленному исследователями, как например, у Пушкина (1):

(1) Я **вас** любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем. (Пушкин)

(2) Я **вас** люблю, – хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь! (Пушкин)

Обращает на себя внимание порядок слов в русском тексте: *Я вас любил*, хотя можно ещё сказать *я любил вас*. Содержательно фразы одинаковы, но эмоционально, возможно, не тождественны. В английском языке возможен только вариант *I loved you* (ср. перевод на английский язык):

I loved you, and that love to die refusing,
May still – who knows! Be smoldering in my breast.
Pray, be not pained – believe me, of my choosing
I'd never have you troubled nor yet distressed. (Translated by Irina Zheleznova)

С другой стороны, в романских языках возможна позиция только с местоимением впереди предиката: Ср. перевод оперной арии: *Ах, Ольга я тебя любил!* *Olga Oh, ti amo!* (итал.). Разная семантическая и коммуникативная значимость такого порядка слов иногда очень сильно ощущается, например, в переводе названия французского киноальманаха *Paris, Je t'aime* (рус. *Париж, я люблю тебя*). Русский перевод **Париж, я тебя люблю* расставил бы совершенно другие содержательные акценты.

Возвращаясь в итоге к пушкинским фрагментам, отметим в них те нюансы содержания, которые обусловлены системой русского языка.

Из особо примечательных идиостилистических явлений назовем использование местоимения *ты* у Блока, которое обозначает что-то очень смутное и сугубо личное, явно не предназначенное для читателя:

Предчувствую **Тебя**. Года проходят мимо –
Всё в облике одном предчувствую **Тебя**.
Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – тоскуя и любя. (Блок)

При обращении к текстам иной лингвокультуры становится очевидным тот факт, что помимо типологических и идиостилистических коммуникативных приемов текстопостроения существуют также и лингвокультурные, принятые в той или иной поэтической традиции. В частности, некоторые содержательные нюансы непривычны для русского поэтического текста. Несмотря на реверансы в современном обществе в сторону демократии, воспеть ей гимн в поэтической форме ещё никто не

догадался, на английском же языке такой текст имеется, где обращение к демократии фиксируется в заголовке и в конце текста:

For **You** O Democracy

...For **you** these from me, O Democracy, to serve you ma femme!

For you, for you I am trilling these songs. (Walt Whitman)

В современном американском поэтическом тексте нет рифмы, и этот факт облегчает подбор лексем и делает более свободным содержательное моделирование текста. К тому же особенности английского языка обеспечивают повышенное использование притяжательных местоимений, вследствие чего возрастает и уровень коммуникативности англоязычного поэтического текста.

Особенностью могут считаться и некоторые непривычные для русского поэтического текста нюансы, в частности, достаточно неожиданное обращение во втором лице к субъекту, вполне нейтрально упомянутому выше (for the good of inquiring minds):

When I died, the circulating library

Which I built up for Spoon River,

And managed for the good of inquiring minds,

Was sold at auction on the public square,

As if to destroy the last vestige

Of my memory and influence.

For those of you who could not see the virtue

Of knowing Volney's "Ruins" as well as Butler's "Analogy"

And "Faust" as well as "Evangeline,"

Were really the power in the village.

Следующее **you** также относится к этим лицам, но уже в более конкретной реализации, поскольку далее приводится принадлежащая им прямая речь:

And often **you** asked me,

"What is the use of knowing the evil in the world?"

Дальнейшие коммуникативные нюансы относятся к другому текстовому объекту, а именно к реке *Spoon River*, протекавшей недалеко от родного города автора:

I am out of **your** way now, Spoon River,

Choose **your** own good and call it good.

For I could never make **you** see

That no one knows what is good

Who knows not what is evil;

And no one knows what is true

Who knows not what is false. (Edgar Lee Masters)

Такая коммуникативная многопрофильность также может быть расценена как особенность англоязычного текста в его американском лингвокультурном проявлении.

Отмеченные коммуникативные стратегии, обуславливающие состав текстопостроительных приемов поэтического текста, нельзя отрывать от

речевой системности функционального стиля, которая в трактовке М.Н. Кожиной подразумевает функционально и семантически специализированные средства, исторически (в процессе развития данного функционального стиля) приспособленные для реализации общения в данной сфере [4]. Не составит труда заметить, что в приведенном определении охарактеризована не только речь, но и парадигматика языка, где и локализуются эти средства. Коммуникативные нюансы, обуславливающие типические модели поэтического текстопостроения, также характеризуются речевой системностью, которая раскрывается при максимальном сближении понятий *поэтический текст*, *поэтический дискурс* и *поэтическая речь*.

Библиографический список

1. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика М.: Прогресс, 1974. 446 с.
2. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов: изд. 5-е. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
3. *Зимняя И.А.* Личностно-деятельностный подход в обучении русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 1985. № 5. С. 49-53.
4. *Кожина М.Н.* Речевая системность функционального стиля // Электронный ресурс Интернет: <http://www.stylistics.academic.ru>.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. Лингвистика текста // Электронный ресурс Интернет: <http://www.tapemark.narod.ru/les/267e.html>.
6. *Монгилева Н., Литвинова А.* Особенности эстетической речевой деятельности в процессе порождения и понимания поэтического текста // Электронный ресурс Интернет: www.rusnauka.com/6_PNI_2013/Philologia/7_130019.doc.htm.
7. *Николаева Т.М.* От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 680 с.
8. Русские пословицы и поговорки на английском языке // Электронный ресурс Интернет: www.englishonlinefree.ru/proverb.html.